

Виктория Мальцева

15

МИНУТ

18+

СТРАШНО ДУМАТЬ,
ЧТО ТВОЙ ГЛАВНЫЙ В ЖИЗНИ ВЫБОР – СЛУЧАЙНОСТЬ

Виктория Мальцева

15 минут

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Мальцева В.

15 минут / В. Мальцева — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-97634-4

«Твой муж встречается с другой женщиной. Через час они выйдут из отеля Трампа на Джорджия стрит, комната 611». Номер неизвестен. У меня остался час, чтобы лично убедиться в том... В чём? Чем ближе мои туфли к месту назначения, тем тяжелее втиснутые в них ноги. Этот человек когда-то заставил по-настоящему влюбиться и полюбил сам, стал моим фундаментом, помог устоять в трудный для обоих момент. Он всегда был моим! Он не может стать чьим-то ещё... За плечами у Виктории удачный брак и пережитая трагедия. Она всё ещё любит мужа – он помог ей устоять в трудную минуту, но получив сообщение, она идёт по указанному адресу и убеждается в крахе последнего, что держало её на плаву – любви Кая. Совет подруги «заведи любовника» оказывается для Виктории не только своевременным, но и роковым. Поможет ли ей любовь молодого мужчины? Или окончательно разрушит её?

ISBN 978-5-532-97634-4

© Мальцева В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1. Сообщение	5
Глава 2. Удар	7
Глава 3. Все ещё «мы»	10
Глава 4. Принятие	12
Глава 5. Ценные советы	14
Глава 6. Точка отсчёта	17
Глава 7. Случайность	19
Глава 8. Первый шаг	21
Глава 9. Неизбежное	23
Глава 10. В шаге от пропасти	26
Глава 11. Ссора	28
Глава 12. Мне жаль	30
Глава 13. Уроки	32
Глава 14. Не мой день	34
Глава 15. Приглашение	36
Глава 16. Вернисаж	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктория Мальцева

15 минут

Каждый человек является на Землю за счастьем. Однако мало кто ясно себе представляет, как именно оно выглядит. Независимо от пола, роста, национальности и местности обитания, мы мечтаем о том, чего нам недостаёт для полного удовлетворения. И только оказавшись на смертном одре, многие неожиданно осознают, что счастье, оказывается, было, однако в мечтах и суете прошедших дней так и осталось незамеченным.

Глава 1. Сообщение

«Твой муж встречается с другой женщиной. Через час они выйдут из отеля Трампа на Джорджия стрит, комната 611».

Номер неизвестен.

Вот уже полчаса мои глаза не отрываются от экрана смартфона. За это время я, кажется, выучила наизусть каждый символ послания, нежданно настигшего меня во время ланча в Тим Хортонс. Кусок медового пончика так и застрял где-то в нижней части моего горла, хотя я и пыталась протолкнуть его, лихорадочно глотая кофе.

В данную минуту способность соображать уже вернулась и даже произвела на свет три наиболее вероятных сценария:

Недоразумение. Я получила сообщение по ошибке, потому что мой муж не тот человек, который станет изменять. Он бы мне сказал, это точно.

Шутка. У нас полно придурковатых друзей, обожающих курить травку и не только. Да, скорее всего, это шутка. Чёрт бы побрал власти, легализовавшие в этой стране марихуану. Долбаное курево теперь можно купить на любом углу и заплатить при этом государству налоги.

Измена. Он действительно мне изменяет, и это закономерно: в наших обстоятельствах его желание общаться интимным образом с другими женщинами никого бы не удивило. Никого кроме меня, разумеется, потому что я слишком хорошо знаю своего мужа – он не изменяет. Эта версия самая нелепая, и я в неё не верю. Мой муж не изменяет. Не изменяет. Не изменяет. Точка.

Отель Трампа расположен в десяти минутах ходьбы от того места, где я сейчас нахожусь. У меня осталось полчаса, чтобы лично убедиться в том, что...

В чём?

Чем ближе мои туфли к месту назначения, тем тяжелее втиснутые в них ноги. Грудь сдавливает неизвестность, а я её ненавижу – предпочитаю получать правду сразу, не откладывая на потом.

Толкаю тяжёлую дверь и, намеренно не глядя на работников рецепции, уверенно шагаю к лифту.

– Мэм? – окликают несколько голосов сразу.

– Простите! Я опаздываю на встречу! – бросаю в ответ, изображая спешку.

– Какая комната, мэм?

– 611, – отвечаю. – На имя мистера Керрфут.

Зеркальные двери фешенебельного лифта быстро закрываются, оставляя меня наедине с паническим, выкручивающим желудок страхом.

– Ты в порядке, Вик. Ты в полном порядке. Просто дыши глубже! – говорю себе.

Шестой этаж. Мои каблуки тонут в длинном ворсе ковровой дорожки с персидским орнаментом. Белая дверь с золотыми цифрами 611 и рельефной дверной ручкой. Я ничего не слышу: ни музыки, ни смеха, ни человеческих голосов. Тихо, как в гробу.

Внезапно понимаю, что он там. Кай Керрфут, человек, который заставил меня влюбиться так, как влюбляются только в фильмах, который взял мою руку в свою и в самый тяжёлый момент нашей жизни предложил заботиться друг о друге, чтобы выжить, находится в комнате с чужой женщиной.

С чужой ли?

Дверь гостиничного номера 611 последняя в этом узком ответвлении от общего холла шестого этажа. Я делаю ровно три шага к окну в его торце и разглядываю фрагмент Ванкувера у моих ног, виднеющийся сквозь панорамное стекло. Если смотреть снаружи, тонированные окна отеля горят сейчас отражением солнца, делая здание похожим на огненный дворец. Почему я думаю об этом сейчас? Потому что вот уже годы напролёт мои эмоции ежедневно глушатся лекарствами, и я не знаю, хватит ли им мощи помочь мне и теперь. Забавно, но не далее, как сегодня утром, мой супруг интересовался, не забыла ли я принять свои таблетки. Заботливо так, мягко, увещательно:

– Викки, пожалуйста, не забывай. Ты же знаешь, твоя психика уязвима: любой стресс способен вернуть нас к исходной точке.

Да, работы проделано много: десятки, а может быть и сотни встреч с психотерапевтом, уютящим мои мозги, альтернативные методики, новые вещества, и вот я живу. Просто хожу по земле.

И всё–таки я чувствую боль. Жжение где–то в самом центре груди, какой–то сдавленный спазм, бетонный блок, всё сильнее меня придавливающий к полу гостиничного холла.

Какая банальность вывалится из их уст? Что они скажут? Он? Она? Что скажу я? Кто из нас уйдёт первым? Кто не справится с собой?

Теперь оцепенение. Оно пугает. Какого чёрта я здесь делаю? К чему весь этот мазохизм? Да, он там, и, если смотреть правде в глаза, это должно было произойти.

Но... а как же «И в боли, и в радости»? «В болезни и в здравии»?

Впервые за долгое время я физически ощущаю своё сердце – ударную установку на рок концерте. С трудом отрываю каблук от персидского ковра, намереваясь развернуть ноги в направлении «прочь из АДА», но в итоге решаю остаться: какой смысл в побеге? Ведь жизнь однажды уже научила, что это бесполезно – *невозможно сбежать от себя*.

Ждать приходится недолго: через восемь минут щелчок проворачиваемого в замке ключа рубит мою жизнь ещё на два клочка «до» и «после».

Глава 2. Удар

Она выходит первой, и я не удивлена тому, кого вижу.

Её волосы распущены. Её, мать их, волосы, которые она всегда прячет в хвост или узел, распущены. Она их стыдится, считая уродливыми, и сегодня я готова с ней согласиться – они действительно омерзительны: светлые, нелепо скрученные пряди, не волнистые и не кудрявые, а именно скрученные, как старая пакля, которой заделывают текущие батареи.

В её взгляде неловкость и даже стыд. В его – ничего.

– Вик? – изрекает её скованный не самыми положительными эмоциями рот.

Хочу добавить: её голос так же омерзителен, как и волосы – чересчур слащавый, писклявый, но главное – тихий. Её манера скрываться в тишине, надевать мешковатую одежду и прятать под ней аномально большую грудь, чтобы оставаться незаметной, играть роль синего чулка или невидимки и не восприниматься угрозой, всегда меня раздражала, а сегодня я готова за это убить. И вовсе не за то, что двадцать минут назад и, может быть, ещё сотни раз до этого она переспала с моим мужем.

Я ненавижу её, презираю это несуразное существо женского пола в старомодных поношенных джинсах, которые вовсе не стали помехой в выполнении миссии по разведению ног. И эти ноги, я знаю, они стройные и даже длинные. Красивые. И руки. И лицо. И глаза.

Да, она никогда не стремилась подчеркнуть свои достоинства, выпятить женственность, как сделала бы на её месте любая другая, но все вокруг всегда знали, что вот уже годы напролёт она лелеет надежду назвать моего мужа своим мужем.

А пока можно быть его любовницей, что тоже неплохо.

– Дженна? – возвращаю приветствие, подозревая, что моим голосом можно травить людей. Массово. – Какая неожиданность! Как ты? Как поживают твои родители?

Она привязана к ним и, если за последнее время ничего не изменилось, даже живёт в их доме, боясь оставить болезненные постаревшие тела без присмотра.

– Мама недавно сильно переболела гриппом с осложнённой пневмонией, а так в целом... нормально, – выдавливает.

Ну да, мы же не дикари, чтобы бросаться друг на друга. Кроме того, это дело касается только меня и моего блудливого супруга.

– Я рада, передавай им мои тёплые приветы и пожелания здоровья!

– Спасибо... – бормочет.

– А сейчас, ты не могла бы оставить нас с... – я запинаясь, потому что, оказывается, не способна произнести его имя, – с мужем наедине?

Она смотрит на него, спрашивая позволения взглядом. Он одобрительно кивает, давая ей возможность поспешно убраться, буркнув напоследок нечто похожее на «Была рада тебя увидеть».

Я не способна ни говорить, ни думать, потому что в моей груди кислотный пожар. Жжёт так, что мне, кажется, даже тяжело видеть: они теперь вместе, одно целое, половина которого спрашивает согласие другой половины, прежде чем что-либо предпринять. Если они пара, то кто тогда я? Где моя половина?

Мужчина, ещё утром бывший моим любящим мужем, делает шаг в моём направлении, давая понять, что готов к скандалу. А я не знаю, что говорить. Мой мозг, переживающий в данный момент эмоциональный катаклизм, не способен соображать, а я не позаботилась о том, чтобы подготовить свои реплики заранее.

– Викки... что ты здесь делаешь? – спрашивает совершенно ровным тоном, словно он доктор, а я пациент, которого немедленно нужно успокоить.

А мою челюсть сковало каким-то тупым онемением, болью, расплзающейся по телу из точки, расположенной в районе сердца. Наконец, ловлю за хвост единственный содержательный вопрос:

– Зачем... так? – глотаю, не знаю что, но что-то большое и болезненное. – Не лучше ли было вначале закончить со мной?

Он молчит, засунув руки в карманы брюк. По выпирающим сквозь тонкую ткань костяшкам легко догадаться, что они сжаты в кулаки. На нём сегодня его лучший костюм – синий, в оттенке *marine blue*. Мы покупали его вместе в прошлом году в Риме, в бутике на одной из десятков пешеходных улиц неподалёку от фонтана Треви.

– Что ты подразумеваешь под «закончить»?

Он спокоен. Ни намёка на напряжение, переживания или хотя бы малейшую тень стыда. Если бы не кулаки в карманах, он выглядел бы точно так же, как сегодня утром после завтрака, собираясь на работу и сообщая мне сегодняшний прогноз погоды.

– Развод, – страшное слово, но я его произнесла.

– Я не собираюсь разводиться из-за мелочей.

– Мелочей?! – выдыхаю.

– Конечно, это мелочь. Обычное житейское недоразумение. Мы пережили куда более серьёзные вещи, в сравнении с этим.

Мой взгляд фиксирует волосы на его груди, немного выглядывающие из ворота белой рубашки. Когда-то, годы назад, это место порождало в моей голове мысли сексуального содержания, но сейчас оно вызывает острый приступ тошноты. Я машинально зажимаю рот рукой и отворачиваюсь, сражаясь с желанием выдать съеденный час назад ланч. Делаю глубокий вдох, за ним долгий выдох, пытаюсь успокоиться, но у меня плохо получается:

– Ты серьёзно? Мелочь? Полчаса назад твой член был в... в...

– Викки, я понимаю, что тебе сейчас сложно, но, пожалуйста, не теряй человеческое лицо! – призывает своим отработанным тоном начальника. – Чтобы не пришлось жалеть об этом в будущем.

А я теряю не лицо – остатки способности соображать. Просто стою с открытым ртом, не понимая, что происходит? Всё смешалось в этом мире? Инь и ян больше не делят окружность на чёрное и белое? На плохое и хорошее? Злое и доброе?

– Ты шутишь?

Я нахожу в себе силы снова заглянуть в его глаза, и то непоколебимое спокойствие, которое вижу, полнейшее отсутствие переживаний человека, который ещё сегодня утром был самым близким, убивает. Это, пожалуй, даже болезненнее, чем сам факт его полового сношения со своей подругой-соратником. Женщиной, которая столько лет мозолила ему глаза, пока не домозолила.

– Пошли, – внезапно предлагает.

– Куда?

– Домой поедem.

Я окончательно прощаюсь с пониманием сути происходящего.

Вот так запросто: небольшое житейское недоразумение уже в прошлом, поедem, жена, домой, чего стоять-то без толку?

Я ненавижу его физиономию. Каждую его черту, и его волосы, и глаза его зеленые, цвета застойной желчи, и нос его долбаной идеальной формы. На губы смотреть не хочу – точно вывернет.

Он будто слышит мои мысли: резко разворачивается, стоит вполоборота и смотрит прямо перед собой в стену. В пустоту.

– Пойдём, – тихо зовёт.

Теперь я улавливаю нечто похожее на его сожаления или, может быть, мне только кажется.

Он пытается взять меня за предплечье, но я с брезгливостью сбрасываю его руку, она падает словно без сил, и я понимаю: всё это спокойствие – подделка, дурацкий блеф, а внутри моего супруга сейчас свирепствует буря со шквалистым порывистым ветром, дождём, снегом и угрызениями совести.

– Поедем домой, – ещё тише.

Кажется, он просит. А когда он просит, я делаю. Мы выходим из отеля и направляемся в соседнее здание на подземную парковку.

Мы. Все ещё «мы».

Глава 3. Все ещё «мы»

Он сказал, помнится, что не собирается разводиться.

– Это ненормально, – говорю.

Более того: это пугающе ненормально!

– Что именно?

– Вот так, после того, что произошло, как ни в чём не бывало искать машину ВМЕСТЕ и ВМЕСТЕ ехать домой!

– Мой дом находится там же, где и твой – какая разница, как именно каждый из нас туда попадёт?

– Большая разница! Огромная разница! Я не могу находиться с тобой в одном... в одном пространстве! Я даже не уверена в том, что вообще хочу возвращаться в место, которое ты назвал домом!

– Как раз по этой причине мы и поедем вместе. Я не оставлю тебя в таком состоянии одну.

– Это состояние – твоя заслуга! – мне кажется, моё возмущение вот-вот задушит меня.

– Тем более. Мне и нести ответственность.

Меня тошнит от него. Тошнит от каждого его слова и даже от того, как учтиво он открывает для меня дверь своей машины.

Садится рядом, я улавливаю его утренний одеколон. Меня тошнит и от него тоже, хотя запах выбирала сама.

Мой взгляд нечаянно падает на его руку, переключающую рычаг паркинга: сквозь кожу на тыльной части ладони просвечиваются тонкие сухожилия и вены. Я ненавижу и их. И его ровные ухоженные ногти.

Когда-то в юности начинающий и весьма одарённый программист Кай Керрфут сгрызал их едва ли не до кутикулы, пока обдумывал алгоритмы для своих программ. Меня это бесило, а он отшучивался, говоря, что без моей помощи не справится с этой мерзкой привычкой. И я всерьёз отдалась своей миссии: чего только не перепробовала – список использованных средств стремился к бесконечности. В итоге, начитавшись советов на форуме для продвинутых мам, купила в русском магазине левомецетиновый спирт и триумфально победила напасть. Всё это было сто лет назад, а теперь эти ногти еженедельно полирует маникюрщик одного из лучших стилистов в Ване, потому что они, эти ногти, должны соответствовать всем остальным атрибутам солидности.

Машина выезжает на Корнуолл стрит, и я не выдерживаю:

– Прекрати вести себя так, будто ничего не произошло!

– Как мне себя вести?

– Какого чёрта мы спокойно едем домой?

– Что мы должны делать?

– Решать вопросы... обсуждать детали развода?

– Мы не будем разводиться.

– И как же, по-твоему, мы будем жить?

– Так же, как жили до этого. Как живут тысячи.

– Заботиться друг о друге?

– Конечно.

– Ты... ты только что переспал с другой женщиной, чёртов ублюдок!

И вот он, тот уникальный момент, когда одна единственная фраза способна изменить всё:

– *Викки, с ней я на пятнадцать минут, а с тобой на всю жизнь! У тебя всё есть! Абсолютно всё, чего может желать не самый простой землянин, чего ещё ты хочешь?*

И это правда, у меня абсолютно всё есть, кроме одного – счастья.

У любого другого человека в этот момент случился бы приступ бешенства, но только не у меня: я впадаю в ступор. Сажу и оцепенело пялюсь в лобовое стекло. Моему супругу хорошо известны мои коматозные припадки, он их боится, поэтому очень скоро я слышу его голос:

– Викки! Викки, очнись! Ты в порядке, Виктория? Прошу тебя, ответь что-нибудь! Или я повезу тебя в госпиталь!

– Останови машину.

Это не я произнесла, нет: это робот, на время меня заменяющий. Моя психика научилась проделывать этот трюк *с тех самых пор*.

– Останови машину! – а вот теперь, кажется, я вернулась. – Останови машину, ублюдок!

От моего ора закладывает уши даже у меня самой.

– Успокойся! – рявкает в ответ. – В руки себя возьми!

И я беру. Машина съезжает с проспекта на пересекающую улицу, мы паркуемся. Я с остервенением дёргаю за ручку двери, но она не поддаётся – двери заперты центральным замком.

– Пожалуйста, успокойся, – снова его ровный голос. – Объясни, куда ты собралась?

– Подальше отсюда.

– Ответ невнятный. Попробуй ещё раз.

– Я ненавижу тебя.

– Ещё раз.

– Я ненавижу тебя, твою машину и всё, что с тобой связано!

– Ответь на вопрос: куда ты пойдёшь?

– На работу.

– Твои лекции на сегодня окончены. Ещё раз: куда ты собралась?

– Тебя это больше не касается.

– Я твой муж сегодня, завтра и десятки тысяч дней от этой даты. Куда ты пойдёшь?

Мой телефон блинкает сообщением, я крепко его сжимаю, изо всех сил борясь с желанием метнуть в лобовое стекло, а ещё лучше в голову человека, только что назвавшего себя моим мужем. На экране высвечивается имя подруги – Адити. Адити, как всегда, вовремя: хочет уточнить время нашей встречи.

– У меня ужин с Адити. Мы договаривались.

– Покажи, – требует.

– Открой дверь.

– Я выпущу тебя только в руки Адити.

– Я засужу тебя.

– Ты знаешь, что нет. С твоими диагнозами.

– Пошёл ты!

– Я не могу оставить тебя в мегаполисе в таком состоянии! Как ты не понимаешь? Кто, если не ты, должен это понимать?! – он впервые так сильно повышает на меня голос.

Да, мой супруг прав, из всей родни и знакомых, только я могу до конца понять его страх за близких. Панический.

Набираю сообщение Адити с просьбой встретиться раньше.

Машина заводится, и мы молча трогаемся. Когда подъезжаем к месту встречи, внушает:

– Прошу тебя, без глупостей. Ты взрослая женщина, совершай взрослые поступки.

– Как *ТЫ*?

Мои глаза видят его губы. Часть тела, от которой когда-то в юности у меня развилась зависимость. Не только физическая, но и психическая: даже теперь, когда мы вовсе не те, кем были раньше, его губы ежедневно целуют мой лоб или нос, или щеку, или даже мои губы, когда желают доброго утра, хорошего дня, спокойной ночи. И они ёрзали по телу Дженны каких-нибудь тридцать минут назад.

Глава 4. Принятие

Gabriel black – jump (feat. Sofi de la Torre)

Я не выдерживаю: мои внутренние замки разом открываются, слетают засовы, дверцы и двери распахиваются настежь, высвобождая неукротимый поток:

– Я ненавижу тебя! Ненавижу! Презираю и ненавижу! Ты... ты...

Я ничего не слышу, не понимаю себя и своих действий, слов своих не осознаю.

Не соображая до конца, что делаю, вылетаю из машины, но ядовитый лиловый шарф и вытянутое лицо стоящей на тротуаре Адити возвращают моё ускользающее сознание на Землю. Мысли складываются в неожиданный пазл, незнакомый рисунок с преобладанием рваных штрихов и оттенков чёрного и ядовито-жёлтого. Мои глаза находят выбившийся из мостовой засаленный десятилетиями камень, через мгновение его уже сжимает рука, ноги разворачиваются и пугающе уверенно несут меня обратно к машине мужа.

Я замахиваюсь и... и моя рука, вобрав почти всю силу ненависти, обиды и горечи, непомерным грузом осевшей в груди, где-то под рёбрами в районе сердца и лёгких, опускается на капот урода, по имени Spyder. Porsche 918 Spyder обошёлся моему супругу в два миллиона долларов. Число в названии модели означает ограниченный выпуск в количестве 918 штук, одна из которых, единственная в Ване, принадлежит ему – подходящий конь для поймавшего за хвост удачу всадника.

Вмятина на глянцевой поверхности металла приносит временное удовлетворение и облегчение. Можно даже сказать мимолётное – эффект всего мероприятия рассеивается, как только мои глаза наталкиваются на фигуру мужа, стоящего рядом и сжимающего пальцами свои виски. Он просто стоит. Стоит вот так, спрятавшись за собственной ладонью, оперевшись рукой на капот, и молчит.

В его молчании – снисхождение. Мне больно. Мне так больно, что слёзы мгновенно покрывают зрачки плёнкой, мешающей видеть. Я моргаю, в попытках вернуть чёткость изображения, и чувствую, как горячие ручьи стекают по щекам.

– Вик...

Это его голос. Его голос и его же предательские, лживые, дешёвые глаза. Он, этот человек – это всё, что у меня было. Всё, что мне осталось от жизни, заставило когда-то в ней задержаться.

Не могу его видеть, невыносимо, истошно, до одури сильно хочу скрыться, сбежать так далеко, как только возможно и там потеряться. Желательно навсегда.

Спонтанные желания обычно имеют свои последствия, но не на этот раз – каблук Ботеги застрял в фигурной решётке водостока. Комичность моей дёргающейся ноги, безуспешно пытающейся вырваться из металлического плена, заставляет меня рыдать с чувством, всхлипывая и даже, кажется, издавая позорные жалобные звуки.

– Вик, я помогу... – бросается ко мне муж и тут же получает мой кулак в свой живот.

– Не приближайся! Не смей! – ору. – Не прикасайся! Даже пальцем меня не тронь! НИКОГДА! Понял? Никогда... и даже не думай обо мне! Лживая сволочь!

Его веки сжимаются в страдальческом порыве, и если бы мои глаза не были настолько ненавидящими, а это всё равно что «не видящими», то я бы, может быть, и заметила серый оттенок его лица, побелевшие костяшки сжатых в кулаки рук, вдавленные друг в друга губы.

Каблук Ботеги остался в решётке.

– Не понимаю, за что мы платим ТАКИЕ деньги? – прихрамывая, задаю риторический вопрос ошалевшей подружке, все ещё и уже довольно давно прижимающей ко рту ладонь.

Меня трясёт, я силюсь успокоиться, но одна только фраза Адити приводит меня в норму:

– Ты сумасшедшая! – её рука обессиленно падает на бедро, и я вижу в этом неосознанном жесте символичность: это я, моя жизнь, весь смысл моего существования.

Глава 5. Ценные советы

– Ну, выкладывай, что стряслось?

Адिति, одна из самых продуманных и организованных женщин, какие мне встречались в жизни, забронировала для нас столик у окна. Я поражаюсь её выдержке, позволившей нам обоим выбрать и заказать блюда, дождаться вина и даже сделать пару глотков.

Вынимаю из сумки телефон, открываю сообщение, вручаю подруге. Она читает, и я не вижу на её лице ни капли удивления.

– И что? Такую фигню любой может написать! А если это клевета?

– Я всё видела сама. Полчаса назад. Это Дженна.

Теперь, кажется, она немножко удивлена.

– Ну... что я могу сказать, подруга... сочувствую! – наконец, находится.

Спустя глоток воды, за ним вина, снова вина, и снова воды добавляет:

– Искренне!

Почему мне нет дела до её дешёвого сочувствия?

– ... ты красивая, умная, не принимай на свой счёт! Все мужики... ну уж точно бо́льшая часть из них – подлые дешёвые твари, продающие доверие за пару минут удовольствия для своего долбаного дружка. Они его канонизируют ещё в детстве, а затем всю жизнь боготворят, ты заметила? Особо чувствительные экземпляры даже дают ему собственное имя! Он слишком важен для них, чтобы разумность имела хоть какой-нибудь шанс на победу. Ты понимаешь, дорогая? Я знаю, что тебе сейчас...

Её трескотня утомляет. Всегда так было, но каким-то чудом мы всё ещё вместе.

– Что у вас сексом? – лепит в лоб.

– Есть. Огня нет.

– Значит, с ней он просто развлекается.

– Странно... развлекается. После меня к ней? Или ко мне после неё?

– Ты знаешь, такое бывает. У мужчин ближе к сорока, а чаще сразу за этим рубежом начинаются попытки доказать самому себе, какой он ещё жеребец. Это не старость маячит на горизонте, сверкая залысинами и сединой, которую чем больше рвёшь, тем больше она прёт, нет – это просто возрастные изменения, а парень в штанах ещё может вкалывать за двоих.

– Это мерзко. Из одной в другую... – проглатываю приступ рвоты – это, наверное, сигареты с непривычки, никотиновое отравление.

– Такие, как твой, не уходят. Он будет бегать на сторону, но брак для него – святое.

– Какой брак? Его давно нет.

– Браки бывают и такими тоже, Вик.

– К чёрту их. К чёрту всё! – снова затыгиваюсь.

– Не дури и не думай с ним разводиться, – сообщает свои умудрённые жизненным опытом соображения подруга. – Он был никем, когда вы начинали жить вместе, а теперь, когда его идеи рвут конкурентов... да-да! Не смотри на меня так! Твой супруг цербер в том деле, которому себя посвятил, а после того, что случилось, его хватка стала ещё крепче.

«Того, что случилось» – так теперь наши друзья обозначают в пространстве и времени катаклизм, пережитый мной и Каем. Никто из них не говорит о нём предметно содержательно, лишь обозначают невинной обтекаемой фразой: «в тот год, когда *это* произошло», «после *того* случая», «до того, как *всё* случилось» и т.д. и т.п.

– Прости, я не хотела тебя огорчить! – оправдывается подруга. – Но согласись, нет ничего глупее, чем уступить незаурядно обеспеченного, зрелого и готового для отношений мужчину другой, когда его становление как бизнесмена и личности пришлось переживать тебе!

Конечно, нет ничего глупее. Особенно после того, *что именно* мы умудрились пережить и не рассыпаться в прах. И особенно после того, как тебя, дорогая подруга, мой уже давно состоявшийся супруг отшил, невзирая на не самые лучшие времена нашей жизни.

Честно сказать, в последние годы я относилась к повышенному интересу подруг (и не только их) к моему супругу философски: он вполне закономерен, учитывая его успехи и достижения. *А с тех самых пор* к разумности ещё и добавилась некоторая доля цинизма.

Но всё это имело место до сегодняшнего «прозрения»: моя слепая вера в преданность и заботу друг о друге, в клятвы, которые мы дали в присутствии священника и родни пятнадцать лет назад, со звоном врезалась в реальность и разлетелась на куски. Обломки.

Да, мой муж изменяет. Возможно даже, я допускаю, что у него имеются на это веские причины, но мне, как живому существу и женщине, всё ещё отчаянно пытающейся жить, от Её Величества Логике не легче.

– Он сказал, что с ней у него пятнадцать минут, а со мной – вся жизнь.

– Ну так, тем более! Прости меня, сейчас, дорогая, но вот здесь я совершенно согласна с твоим супругом: глупо уходить от состоявшегося мужа, чтобы нарваться на очередного козла, убедиться в том, что он ещё больший козёл, чем предыдущий, бросить его и обнаружить маячащий на горизонте климакс. Это в лучшем случае.

Не могу поверить своим ушам: когда этот мир успел настолько прогнать? Я не заметила.

– А для снятия болевого синдрома всегда есть старое доброе, апробированное веками средство – показывает феноменальные результаты в реанимации убитой самооценки. Оно же – бальзамическая субстанция с эффектом анальгетика, – подмигивает.

– Какое?

– Заведи любовника!

Вот мы и добрались до сути всего экскурса.

– Хватит! Руки не ломай! Действуй! – внушает.

Действуй! Действуй! Действуй! – гудит моя голова.

– Помнишь, ты пару недель назад говорила...

– Не помню! – отрубая, надеясь задушить этот разговор в зачатке.

– ...про парня... молоденького... в художке твоей, что ли? Ансель, кажется? Ты сказала, глаз с тебя не сводит!

– Замолчи! – прошу.

Адити обиженно поджимает губы, затем, хлебнув ещё вина, постановляет:

– Ну и зря! Душу бы отвела, с мужем бы расквиталась, получила бы удовольствие!

Удовольствие... в последние годы это запретный плод: я не позволяю себе испытывать радость. Варюсь в чувстве вины, сожалениях и тупой хронической боли. Никому не легче от моих душевных самоистязаний, но данный вполне разумный вывод никак не влияет на мою способность полноценно жить. Кажется, грусть и подавленность стали моей потребностью.

– Слушай... ты знаешь, а я ведь лет сто не видела тебя такой... такой...

– Какой?

– Живой... Да, точно! Именно живой! С тех пор, как *это случилось*, ты... поменялась.

Я знаю, что поменялась. В одном слове-определении, только что выданном подругой, заключена трагедия всей моей жизни.

– Ты что-то путаешь, дорогая, – вымучиваю улыбку и тянусь за стаканом, чтобы скрыть от Адити тот простой факт, что в данный момент я нахожусь на грани эмоциональной перегрузки.

– Да нет, вовсе не путаю! Посмотри на себя: щёки румяные, глаза блестят...

– Это от невыплаканных слёз.

– Слушай, как по мне, лучше уж так, чем мумией быть. Народ уже шарахается от тебя... ой, прости, что-то я не то говорю...

Точно шарахается: вот и муж, последний мой оплот, дёрнул на поиски приключений, чтобы окончательно не заплесневеть со мной рядом.

Словно издалека до моего сознания доносится обрывок риторического вопроса Адити:
– ... а кто отправил сообщение? Меня это интересовало бы в первую очередь.

А меня не интересует. Потому что я ненавижу, а значит, НЕ ВИЖУ.

Глава 6. Точка отсчёта

Семь лет назад.

Наша первая встреча произошла перед кабинетом гинеколога, примерно за год до «того события», когда во мне ещё жила способность удивляться, радоваться, проявлять интерес. Я до сих пор не знаю, почему обратила на него внимание: из-за внешности или потому, что он привёл подругу на процедуру, о которой я при своём муже решила даже не упоминать.

В небольшой комнате ожидания, забитой стариками, двадцатилетняя пара выделялась слишком ярко, чтобы остаться незамеченной.

Пациентам, терпеливо ждущим своей очереди, не хватало посадочных мест, части из них пришлось толпиться прямо посередине комнаты. Молодой девушке славянской внешности досталось крайнее кресло, её парень встал рядом вроде бы и ровно, но, в то же время, создавалось впечатление, будто он накрывает её собой, прячет от других.

Усевшись, девушка сразу провалилась в свой смартфон. Её друг последовал примеру, достав из кармана стильной куртки свой собственный гаджет, но его поза не давала мне покоя: слишком громко она заявляла о его мужском начале, выпячивала его.

За время ожидания я успеваю изучить облик молодого человека с исключительной точностью: узкие модные штаны известного спортивного бренда, расстёгнутая удлинённая парка тёмно-синего цвета, достающая до середины его бедра, молодёжные кеды. Обычный юношеский наряд, но мой опытный глаз отмечает главное – безупречность и стиль. Его обувь настолько чистая, что выглядит новой, одежда аккуратная и выглаженная, не мешковатая и не слишком узкая. Нельзя сказать, что юноше повезло с ростом, но в его стройной хорошо сложенной фигуре имеется нечто особенное – мужская грация.

Его лицо не относится к числу тех, которые можно назвать модельными, но в нём есть приковывающая, даже затягивающая сила. Я отмечаю необычный разрез глаз, аристократически тонкий нос и ровную, по-детски безупречную кожу. Его волосы коротко острижены сзади, но оставлены длинными спереди и по моде зачёсаны назад. Я бы назвала подобную манеру их носить женственной, а потому отталкивающей, но не на этот раз: красивый высокий лоб и скулы молодого человека органично дорисовывает эстетически идеальная линия роста его тёмных волос. На этом как будто обнажённом лице самое первое, что я вижу – ясные карамельные глаза и ровные выразительные брови.

Благородство – именно его транслирует облик молодого человека.

Внезапно его взгляд встречается с моим, я чувствую себя пойманной на месте преступления и, оставив в качестве извинений небольшую улыбку, исчезаю в экране мелькающего новостями телевизора, висящего на стене прямо перед моим носом.

Нагнетаю серьёзность, для верности добавляю сосредоточенности и долго пытаюсь прочесть буквы, бегущие красной строкой. Я не знаю, сколько времени необходимо среднестатистическому человеческому мозгу, чтобы распробовать новое развлечение, но мой застрял где-то не там.

Если ваши взгляды столкнулись во второй раз, знайте: между вами уже что-то есть. Особенно если нечаянный зрительный контакт задержался дольше положенного. И я снова отвожу глаза.

Смотрю в немой экран телевизора, говорю себе: они дети. Просто дети, которым уже позволен секс и поцелуи. Это мальчик, вчерашний ребёнок, немного подросший, со вкусом одетый и причёсанный, с необычно умным для его возраста взглядом...

Так! Стоп!

Вынимаю из сумки телефон: от мужа звонков нет, сообщений тоже – он занят. Как всегда, слишком увлечён покорением Айти–Олимпа, чтобы вспомнить о том, что у него вот уже годы имеется жена. У всякого успеха есть цена, я свою плачу хронической тоской по мужу.

Мои глаза снова ищут выдающийся лоб и не находят. Я испытываю досаду. Вот так, совершенно на ровном месте, ничего не имея и потеряв это «ничего», я ощущаю внутри пустоту. Замечаю, что толпившийся до этого народ разошёлся, и вдоль стен освободились кресла. Мои глаза вяло перебирают согбенные фигуры в пёстрых нарядах: иранки, китайки, корейки, канадки – любая толпа в нашем городе всё равно, что новогодняя ёлка. Ни стилия в нарядах, ни моды, ни даже маломальской логики в сочетании цветов и предметов одежды.

Внезапно я нахожу его: мальчишка, так неожиданно поработивший моё вялое воображение, теперь сидит рядом со своей подругой, накренившись к ней всей своей по-мужски стройной фигурой, улыбаясь и оживлённо что-то рассказывая. Я напрягаю уши, изо всех сил прислушиваясь к его речи, но, увы, не могу разобрать ни слова – он говорит слишком тихо, народу в холле всё ещё слишком много, а престарелые китайки вместе с корейками не закрывают свои рты, энергично обсуждая невесток и кулинарные планы.

И вот он момент, которого я не то, чтобы ждала, но, наверное, предвкушала – поцелуй. Парень нежно касается щеки подруги ладонью и... и мой взгляд отскакивает, словно обжегшись. Когда через несколько минут я всё-таки решаюсь вернуться – карамельные глаза прямо и намеренно смотрят в мои. В третий раз.

– Виктория! – выручает спасительный голос медсестры.

Я поднимаюсь и, расправив плечи, стряхиваю пыль столетий с давно забытой осанки. Даже совершаемые пять шагов до стены, за которой моей фигуре предстоит вот-вот скрыться, это не просто шаги – а лебединый полёт.

Разговор с врачом и дальнейшие манипуляции с моим телом напрочь выбивают из головы всякую дурь. Неожиданно увлечший меня мальчишка появляется в поле моего озабоченного зрения только после окончания приёма, когда я, прислушиваясь к глухой боли, договариваюсь с регистратором о дате своего следующего визита. Закончив эту содержательную беседу, я, не глядя, но чувствуя слишком молодого для моих лет человека, медленно надеваю пальто, набрасываю на шею шарф и, хвала Выдержке и чувству собственного Достоинства, шествую мимо нарушителя моего сексуального покоя, ни на секунду не коснувшись его столь притягательной фигуры взглядом.

Глава 7. Случайность

7 лет назад

Бывают ли в жизни совпадения? В моей они происходят даже слишком часто.

Мы встретились во второй раз около полугода спустя – на лекциях по биологии. В мою аудиторию студентов набилось больше, чем я ожидала – около тридцати. Как обычно, среди трёх десятков спокойных детей найдётся один, способный проесть плешь за всех сразу:

– Это Ваш первый урок?

И я действительно чувствую себя так, словно это мой первый урок.

– Даже не десятый, – смело заявляю ему.

– А выглядите неуверенно.

Бросаю уничтожающий взгляд и получаю в ответ:

– А точно сможете нас чему-то научить?

Именно в том сентябре в моей аудитории поменяли модель проектора на более новую. Время идёт, студенты жужжат всё усерднее, а я, тем временем, проклиная администрацию, инженеров нового девайса, собственное тугоумие в технических вопросах и прочее.

– Нужна помощь? – раздаётся почти у самого моего уха.

От неожиданности всё мое отнюдь не увесистое существо подскакивает на месте, и я вижу ЕГО. И узнаю сразу. Чёткие, ясные, подробные и почему-то наполненные нереальным светом картинки приёмной женской консультации мгновенно всплывают в моём сознании.

Взгляд, а в нём... Вселенная! Парень долго и смело смотрит в мои глаза. Я думаю, именно в тот день, в той точке пространства и времени произошло НЕЧТО. Сгустки свободных энергий столкнулись, породив рождение новой Звезды.

– Этот кабель не подходит к разъёму на Вашем Макбуке. Нужен переходник. У Вас есть?

Напряжённая, как струна, выгружаю из бермудского треугольника, служащего мне дамской сумочкой, все имеющиеся провода и переходники.

– Нет, это не то, – комментирует пусть и молодой, как апрельская зелень, но всё-таки мужчина. – У меня тоже Макбук, сейчас посмотрю в своём рюкзаке – где-то должен быть переходник.

Через минуту, не больше, белое полотно стены озаряется научным светом презентации моего курса.

– Спасибо...?

– Ансель.

– Спасибо, Ансель, – выдавливает пристукнутый зомби, носящий моё имя.

Парень возвращается на своё место, и только теперь я замечаю её – девушку славянской внешности. Они заняли крайний стол в третьем ряду амфитеатра, разложив ноутбуки и пачки с чипсами.

– Еда и напитки в аудитории запрещены, – громко объявляю и обвожу свои владения взглядом.

А дальше начинается лекция, и я пытаюсь сосредоточиться на работе, но это сложно, потому что из десятков взглядов, упирающихся в мою спину и затылок, пока рука рисует на доске ежедневно сменяемый пароль wi-fi, я чувствую один особенный. Он настойчиво выжигает на моей коже поэму, посвящённую физическому влечению.

Конец лекции, студентки, по своему обыкновению, облепляют и меня, и мой стол, я усердно отвечаю на их нелепые вопросы, по большей степени являющиеся глупейшей попыткой выделиться и запомниться, но краем зрения слежу за зоной, где расположился парень в стильной чёрной футболке. Его девушки уже нет, но он не уходит, сидит на месте, не переставая буровить мой профиль взглядом.

Девочки откалываются одна за другой, пока моя защита, мой спасительный буфер не рассасывается полностью. Я наспех собираю папки со своими бумагами, шпаргалками, набросками и планами, тороплюсь, потому что пространство вокруг меня пронизано опасными вибрациями. Из аудитории практически вылетаю, только по стуку собственных каблучков определяя, что скорость, с которой несусь, относится к категории «недостойной».

«Спусти пар, приди в себя!» – приказываю.

Едва мне удаётся успокоиться и, если не восстановить душевное равновесие, то, по крайней мере, максимально к нему приблизиться, как дверь в мой кабинет открывается, и я вижу того, кого меньше всего желаю видеть.

Глава 8. Первый шаг

7 лет назад

Хотя кому я вру? Проблема именно в том и заключается, что я слишком заинтересована именно в этом студенте из всех.

– Прошу прощения, Вы забыли... – его рука протягивает мне мои же распечатанные комплекты раздаточного материала.

– Нет, я не забыла: оставила для тех, кто ещё не успел взять себе копию.

Он смотрит в глаза, и вместо привычного студенческого заискивания я наталкиваюсь на спокойствие, достоинство и едва различимую тень иронии.

– Тогда простите ещё раз... мне отнести их обратно? – спрашивает, странно сощутив глаза.

– Эм... – кажется, я теряюсь в стройности собственной лжи, – да нет, давай сюда, раз уж принёс. В аудитории никого не осталось, так ведь?

– Никого, – кивает. – Я выходил последним.

И тут я вижу его губы. Они крупные. Не пухлые, а именно крупные, почти равной величины, по-мужски строго очерченные, но по-юношески яркие, воспалённые. Красивые. Действительно очень красивые, и нет ничего удивительного в том, что прилипший к ним взгляд так тяжело оторвать и перевести на что-нибудь другое. Глаза, например, брови. Но здесь ещё опаснее: вот так дерзко, самоуверенно, придавливая оппонента к земле, смотрят только полководцы, транслируя мощь и непредсказуемость.

Он выходит, плотно закрыв за собой дверь, и я долго смотрю на неё, не в силах собраться и жить дальше. Ведь дома у меня муж, любимый.

Ансель не пропускает лекции и каждый раз сидит на одном и том же месте, почти всегда рядом со своей девушкой. стыдно признаться, но я завидую её молодости, красоте, мягкости, возможности учиться и... сидеть рядом с Анселем. И не только сидеть, конечно же.

Он всегда молчалив и корректен. Никогда не задаёт вопросов, не подходит после занятий, не посылает туманных взглядов, никак не пытается приблизиться. Я не допускаю даже мысли об интрижке – у меня крепкая семья и на редкость достойный муж, но каждый раз, входя в аудиторию, ищу глазами крепкие плечи, обтянутые чёрной или белой тканью футболки.

В его плечах есть нечто магическое. Что-то настолько мощное, что я не в силах глушить свои первобытные инстинкты, и поэтому просто смотрю. Смотрю, смотрю и смотрю, ловя подходящие для этого моменты и всеми силами стараясь себя не выдать. Но в один прекрасный момент понимаю, что руки, всегда набрасывающие на плотном листе бумаги рисунок по теме моей лекции, стали для меня чем-то вроде регулярного допинга.

Ансель тоже смотрит. Его взгляд, несмотря на юность, тяжёлый, он взирает на мир так, будто очень на него зол. Причем делает это нехотя, всем своим видом изображая одолжение и давая понять, что, едва успев родиться, уже утомлён нашей действительностью.

Our Love (Caribou Cover) Feed Me

Royalprod – Touch

Однажды после перерыва, когда по логике вещей у каждого студента уже должны были начаться следующие занятия, я заскакиваю в лифт и застаю в нём только одного попутчика – Ансея.

Он молча нажимает на кнопку, заставляя двери закрыться. Я не смотрю на него, но чувствую, как меня изучают, и впадаю в панику, наблюдая за тем, как жар ползёт из груди к горлу, а взгляд трусливо прячется где-то в районе собственных рук. Его неожиданная близость душит меня, но желание видеть оказывается сильнее: я импульсивно отрываюсь от изящной резьбы на

своём обручальном кольце и ловлю мерзавца с поличным – он смотрит на меня искоса, тайком, как вор, который хочет украсть нечто особенно интересное.

Я жду, что он отвернётся, но он и не думает – нагло и почти вызывающе пялится. Не шупает меня взглядом, не раздевает, как можно было бы предположить, просто смотрит.

Возвращаюсь к кольцу, гипнотизирую рисунок, подаренный мужем одновременно с его сердцем и обещанием любить меня вечно.

Мне становится жарко. И душно. И очень беспокойно.

«Какого чёрта?» – думаю. «Я взрослая женщина, зрелая, опытная, замужняя. Как этому юнцу удалось так легко взять надо мной верх?»

С твёрдым намерением расставить всё по своим местам, а вернее, проучить наглого попутчика, решаюсь смело на него взглянуть, но обнаруживаю, что он потерял ко мне интерес: Ансель занят своим смартфоном, его губы едва заметно шевелятся, повторяя слова песни – только теперь я замечаю наушники. Он поднимает голову, смотрит на цифры этажей, неестественно долго изучая принцип переключения лампочек под каждой, и наконец, его взор снова обрушивается на меня, но теперь уже с высоты ожиданий. Ансель эмоционально возбуждён, хоть и не выдаёт себя жестами или суетой, однако не всё подвластно контролю: его глаза горят, щёки алеют здоровым молодым румянцем, как если бы он долго и очень быстро куда-нибудь бежал, боясь опоздать. Его взгляд не скользит и не упирается, не трогает и не обнимает, он бьёт. Меткими, чёткими, уверенными ударами вколачивается в зону, ответственную за ответное влечение.

В конце концов, двери открываются, Ансель делает шаг назад, давая мне понять, что уступает дорогу.

– Благодарю, – тихо и с какой-то позорной неуверенностью пропеваю.

Именно пропеваю, одновременно и неожиданно обнаруживая, что вовлечена в игру. Он зовёт, а я отвечаю.

Двери лифта закрываются за моей спиной, и я успеваю сделать как минимум десять шагов, прежде чем понимаю, что этаж не тот – я вышла раньше.

Глава 9. Неизбежное

7 лет назад

Host totemo

Be still my heart Peter Bradley Adams

В конце октября студенты, как всегда, воодушевлены приближением главного для них в году праздника – Хеллоуина. Старшие курсы привлекают младшие, преподаватели следят за порядком и пристойностью запланированных мероприятий, а главное – соблюдением «сухого» режима. В тот год выбор администрации в числе многих относительно молодых преподавателей пал и на меня тоже.

Студенты задумали костюмированный бал, танцы, конкурсы, угощения традиционными сладостями. Несмотря на мою склонность избегать больших скоплений публики, удовольствие от участия оказалось грандиознейшим, вклад учащихся дизайнерских факультетов превратил праздник в сказку: ходящие бутылки с ромом, покойники с торчащими из их голов топорами, мёртвые невесты, зомби, оборотни, покалеченные инопланетяне, ну и для разбавления всей этой нечисти забавные персонажи из полюбившихся мультфильмов или комедий.

Ко мне подходит лошадь в плаще – натуральная силиконовая голова глазеет на меня небольшой прорезью в пасти:

– Можно пригласить Вас на танец?

Я хлопаю глазами, как школьница. Танцевать с лошадью? Но голос знаком.

Лошадь вынимает руку из-под плаща и отрывает себе голову. И вместо этой головы появляется Ансель, подозрительно сверкая глазами и едва заметно улыбаясь. Он снимает свою накидку, а я в растерянности. Если бы это был просто студент, один из десятков практически безликих для меня парней, я бы давно согласилась. Но Ансель...

Он не даёт моей нерешительности нарушить свои планы: хватает за запястье и нетерпеливо тянет на себя. В этом жесте я впервые встречаюсь с основной и ведущей чертой его характера – мужской напористостью. Прежде чем я успеваю хоть что-нибудь сообразить, его требовательные руки уже вжаты в мою талию. Ансель не делает ничего неприемлемого, не совершает ни единого жеста, который можно было бы назвать вызывающим, он с ювелирной точностью дозирует настойчивость и наглость в довольно сдержанный стиль своего поведения.

Мои ладони на его плечах: мне нравится ощущать мышцы под тканью его футболки, тепло, исходящее от его тела, и даже запах туалетной воды, которой, в общем-то, запрещено пользоваться на территории колледжа.

– Посмотри, – тычу в направлении входной двери своим почему-то кажущимся в это мгновение миниатюрным пальцем. – Твоя девушка пришла.

Ансель резко оборачивается, но его ладони будто прилипли к моей талии. Девушка, которую, как я теперь знаю, зовут Анна-Лея, замечает нас практически сразу и смотрит широко распахнутыми глазами, не отводя их и даже не моргая. В какое-то мгновение мне кажется, что она сейчас разбежится и со всей силы залепит Анселя пощечину, а может быть и две.

Но она не двигается, стоит на месте, как вкопанная, а Ансель разворачивается ко мне и прижимает ладони ещё плотнее.

– Это не моя девушка, – сообщает.

– Я видела вас вместе... – и вот тут из меня едва ли не вылетает «в приемной у врача», но я вовремя соображаю верное завершение мысли, – в колледже.

– Мы расстались, – его руки перемещаются с талии на мою спину, захватив, таким образом, ещё одну территорию.

«Завоеватель» – формулирую подходящее определение.

– Зря, – говорю. – Вы хорошо смотрелись вместе.

Ансель резко подаётся назад, чтобы иметь возможность видеть моё лицо:

– Вы всерьёз считаете, что это имеет хоть какое-нибудь значение?

– Иногда замечаешь, что люди даже внешне принадлежат друг другу: их объединяют общие черты, повадки, привычки... они как две детали одного рисунка – убери любую, и никогда не узнаешь, какой была задумка создателя.

Loreen Ocean away

– Вы верите в то, что для каждого человека божественным планом предусмотрена единственная пара?

– Хотелось бы в это верить.

– Почему?

Я не знаю, что ему ответить, потому что никогда раньше не размышляла на эту тему, и сама толком не понимаю, во что верю.

– Есть в этом что-то... успокаивающее, наверное, – ищу объяснение. – Хаос пугает. Страшно думать, что твой главный в жизни выбор – случайность. Что разойдись вы однажды в той самой точке пространства и времени, и вот уже каждую ночь рядом с тобой засыпает совершенно другой человек.

Взгляд Анселя прикован к моей руке. А на ней кольцо.

– Вы замужем... – констатирует.

– Конечно, – отвечаю.

– Конечно? – в его глазах искреннее и какое-то даже глубинное разочарование.

– В моём возрасте любая нормальная женщина давно уже замужем.

Ансель сводит брови и, ослабив свою, ставшую для меня уже привычной хватку, заявляет:

– Я хочу сказать Вам две вещи, Виктория. Первая: картинка бессмысленна, если в ней нет души. У пары тоже может быть душа, вы не думали?

– Нет. Какая вторая?

– Вторая: каждый человек имеет право на второй шанс. Третий. Пятый. Двадцать пятый. Не разменивайте счастье на порядок и стабильность. Если Бог существует, то им задумано гораздо больше того, что получают смертные. Мы игнорируем возможности, теряем себя, становимся затворниками собственной слепоты или нерешительности.

Музыка сменяется на быструю, и Ансель медленно, словно принуждая себя, убирает руки. Место на моей талии, где лежали его тёплые ладони, неприятно обдаёт холодом и... пустотой.

Выхожу с танцпола, ищу глазами какое-нибудь укромное место, где меньше людей и шума, а мысли заняты рассуждением на тему, почему молодёжь всегда думает резвее и мудрёнее, чем предыдущие поколения? Что читает этот парень, если способен выдавать подобные мысли в двадцать лет?

Мне удаётся найти относительный покой у окна в дальнем конце зала, я сажусь на пол и долго смотрю на вечерний Ванкувер. Люблю панорамные виды, а кто их не любит? Они словно замедляют вечно торопящееся время, предлагая остановиться на миг и оглядеться по сторонам, прожить хотя бы этот крошечный отрезок жизни, а не пролететь его, как все прочие.

– Ясный вечер в октябре – какая редкая удача!

От неожиданности я вздрагиваю и, обернувшись, обнаруживаю за спиной, в каком-то полуметре от себя, всё того же персонажа. Он стоит, засунув руки в карманы и глядя вовсе не на закат.

– Простите, не хотел пугать... Виктория... – произносит не тихо, не громко, а словно пробует моё имя на вкус.

Его голос, не грубый, не мягкий... просто сильный, имеет странное на меня воздействие, подозрительно напоминающее паралитическое. Он незаметно подчиняет себе мой мозг, запрещая ему думать о важных серьезных вещах, подсекая постыдные мысли.

– Ты когда-нибудь была на крыше этого здания? – спрашивает, гипнотизируя взглядом.

А тут есть крыша? А где мы, вообще? А кто я и кто ты?

Глава 10. В шаге от пропасти

7 лет назад

Через минуту мои ноги бегут вслед за Анселем по серым бетонным коридорам, сужающимся в тоннели, поднимаются по лестнице, перепрыгивая ступеньки, моя рука в его руке, и перед глазами только плечи. Я с ужасом осознаю, что несусь, сломя голову, за мальчиком как минимум на десять лет моложе себя.

Но разве могут быть у детей такие плечи?

Мы упираемся в массивную железную дверь с наклеенным на неё жёлтым треугольником и множеством предостерегающе-запрещающих знаков. Ансель прикладывает к замку электронный ключ, и через секунду мы уже стоим снаружи.

И только теперь я обнаруживаю в его руках свои пальто и шарф.

– Ты слишком легко одета, – протягивает их мне.

Перед моими глазами предстаёт сложная, но вдохновляющая картина: лучи уставшего октябрьского солнца, одевают современный, техничный, гипнотизирующий своей стеклянной монументальностью город в красный закат. Ванкувер впечатляет, особенно если смотреть на него с нужного ракурса. В этом мгновении неожиданного, а потому настолько интенсивного зрительного наслаждения я не изменяю себе – думаю о двойственности явлений, ведь Ванкувер местами уродлив. Отвратителен и прекрасен одновременно. Белое и чёрное, заключённое в одно кольцо, доброе и злое, зажатое в едином пространстве – именно в этом сосуществовании противоречий, наверное, и заключена вся интрига мироздания. Нам лишь остаётся выбирать, как много места в своих душах мы отведём белому и как мало чёрному.

Чувствую на себе взгляд, но притворяюсь, что не замечаю. А он настолько пристален, что кожа на моих щеках и шее пылает от жара его энергии. В этот момент мне кажется, что я физически ощущаю свои внутренние весы добра и зла: они то давят на меня тяжестью потенциального проступка, то раскачивают на качелях эйфории.

Ансель приближается и чуть склоняется, словно стремится достать с высоты своего роста до микроскопической точки. На таком близком расстоянии его юность бьёт наотмашь: свежесть и чистота линий, не утраченная нежность кожи на щеках, припухлость зреющих для любви губ.

– Твоя серёжка, – говорит, – она расстегнулась. Можно?

Я взрослая женщина и должна запретить ему прикасаться. Обязана. Но искренность, поблёскивающая в глубоких тёмных водах его по-настоящему мужского взгляда, гипнотизирует, парализует способность здраво мыслить.

Не дождавшись ответа, Ансель мягко касается мочки моего уха, и хотя я не могу видеть его действий, мне вдруг становится совершенно очевидной его креативность: конечно, моя серёжка в полном порядке. Конечно, он не пытается привести её замок в надлежащее положение – он вероломно ласкает моё ухо медленными кроткими поглаживаниями, словно пробует новое блюдо, зная наперёд, что эта дегустация никогда не повторится.

Ансель не из тех, кто будет спрашивать позволения или ждать удобного случая – он импульсивен и подчиняется своим порывам, позволяя им писать целые главы в истории своей жизни. Его лицо находится слишком близко от моего – на расстоянии, которое давно перестало быть допустимым и УЖЕ поставило под сомнение мою порядочность. Сейчас, наверное, мне следует задать себе вопрос «Что я здесь делаю?», но вместо этого я смотрю на его губы.

Возможно, Ансель читает в этом взгляде вызов, сигнал к действию, потому что уже в следующее мгновение я ощущаю вкус, жар и влажность его рта, совершенно упустив тот момент, когда его руки вжались в мою талию.

Стрелки на часах Вселенной замирают, оставляя нас наедине с мгновением, проваливая в него без остатка. И нет больше в пространстве и времени ничего, кроме горячего хвоста кометы, оставленного на моей шее уверенным пальцем Анселя. Только одно это касание в том коротком отрезке нашего самого первого времени вместе и наедине определило наши роли, и моя оказалась далеко не ведущей. Он был младше физически и в рамках летоисчисления, но закрывая глаза и прислушиваясь к звону его мыслей, я понимала, что душа его старше, опытнее, мудрее. А главное – намного сильнее моей. Я это чувствовала.

У меня подгибаются колени, подкашиваются ноги, шея не держит головы, а голова – ни единой трезвой мысли. Я опьянела от запаха, напора, от неожиданной смелости его движений.

Мальчик не может так целоваться, мальчик не должен так целовать. Это не губы – это стихия, ураган, напроць уносящий женское благоразумие. Такие поцелуи способны добиться согласия абсолютно на всё! Но как же много в них жизни... Будоражащей, первобытной, раскрывающей лёгкие на весь допустимый им объём, заставляющей не просто открывать рот и впускать в него ошалевший от вседозволенности язык мужчины, но даже желать... нет, жадать его.

Пылающая ладонь на моей груди, большой палец, жадно ищущий подтверждения моему экстазу, мгновенно приводят раздвоенное сознание в своё обычное состояние: я открываю глаза, вижу сморщенный лоб мальчишки, его бессовестно ровные брови, прикрытые веки, отрываюсь, замахиваюсь и со всем возмущением за свою застигнутую врасплох, а потому так предательски сломленную сдержанность, за так легко сдавшуюся гордость залепляю ему пощёчину.

Он даже не дёрнулся. Не шелохнулся, не поднял руки, чтобы прикрыть оставшийся на щеке малиновый след. От его пронизывающего, полного обиды взгляда, не брошенного, а осознанно посланного исподлюбья, я погружаюсь в стыд и чувство вины.

Ансель медленно отводит взгляд в сторону и, простояв так какое-то время, уходит, а я остаюсь в прострации и непонимании: перед кем мне стыдно? Перед кем виновата? У меня муж, и я люблю его. Действительно люблю.

Я больше не видела его на своих лекциях. Ансель бросил не только мой курс, но, как оказалось впоследствии, и институт тоже.

Глава 11. Ссора

Апрель 2019

Лечение коктейлями и участливыми советами подруги закончилось ближе к полуночи. Я никогда не напиваюсь, но то, как муж забрал меня из бара и привёз домой, помню, словно в тумане.

Часов в пять утра просыпаюсь от приступа тошноты и едва успеваю добежать до ванной – вчерашняя алкоголе-терапия рвётся наружу. Мне до такой степени плохо, что я даже не сопротивляюсь, когда Кай поит водой и кормит аспирином. Он собирает мои волосы на макушке и стягивает их резинкой, раздражая медлительностью, превратившей пустяковое дело в пытку:

– Какого чёрта ты так долго там возишься? – набрасываюсь.

Поворачиваю голову и упираюсь взглядом в синюю ткань его трусов, натянутых в том месте, которое когда-то было частью моей жизни. В своей памяти я вижу, как открывается белая дверь гостиничного номера, как появляется счастливое лицо Дженны, распутившей для него свои волосы, как наши взгляды встречаются. И эта ни с чем не сравнимая боль пробивается даже сквозь заслон лекарств. Я не думала, что любила его так сильно, не ожидала: он был для меня просто Каем, мужем, человеком, который навсегда рядом.

Меня накрывает по новой. Вернее, выворачивает едва ли не наизнанку.

Кай протирает моё лицо влажным холодным полотенцем, но, несмотря на то, что этот его небольшой жест приносит облегчение, я нахожу в себе силы рявкнуть:

– Отвали от меня! Руки свои убери...

Он делает обратное: поднимает и, невзирая на мои удары, несёт в кровать. Супружескую. Мы спали в одной постели, будто ничего и не произошло.

Мой желудок снова сжимается, но блевать больше нечем. Постель, в которой я ночую вот уже шесть лет, обжигает, поэтому сдираю с себя простыни, резко отбросив их в сторону.

– Викки, успокойся! Прекрати! – жёстко, громко и нервно приказывает мне супруг.

И только в этот момент я осознаю, что для данной фразы он впервые за сегодня открыл свой рот. Даже аспирин протягивал молча.

Я не могу на него смотреть – глазам больно. Да, утром следующего за отчетным дня я трезво осознаю тот факт, что ненавижу собственного мужа.

– Нам нужно развестись, – довожу до его сведения тоном обессилевшей жертвы кораблекрушения.

– Мы это уже обсудили.

– Не мы, а ты обсудил. Моё мнение при этом не спрашивал.

Молчит.

– Я не хочу с тобой жить, – «интеллигентность» даётся мне тяжело.

Молчит.

– Ты мне противен, я не могу на тебя смотреть.

Молчит.

– Меня раздражают звуки, которые ты издаёшь, твои привычки, а теперь ещё и твоя подлая...

Едва сдерживаюсь, чтобы не бросаться оскорблениями. Смотрю на свои руки – их трясёт слишком сильно, так много я не пила.

– Как давно ты с ней... ну... встречаешься?

– Мы не будем говорить на эту тему. По крайней мере, не сейчас.

– Неужели? А мне вот, видишь ли хочется обсудить, – чувствую, что сдержанности пришёл конец. – Твоя жена врач, если ты забыл, и первое, что пришло мне в голову после того,

как эмоции улеглись: какова вероятность того, что влагалищные выделения другой женщины могли бы оказаться в моей утробе?

– Вики, перестань... – цедит сквозь зубы и выходит из спальни на кухню.

Я, в трусах и майке, бегу вслед за ним:

– Нет, ну серьезно! Осознавать это, наверное, так же прикольно, как месить своим членом чужую сперму в...

– Викки! – не оборвал, а рявкнул, причём так, что стёкла задребезжали. – Замолчи! Пожалеешь ведь!

– А что? Ударишь?

Его глаза сейчас, кажется, вылезут из орбит от злости. Пальцы, сжимающие крышку от миски с салатом, побелели от напряжения.

– Или скажешь, что тебя воротит от моего запаха? Я уже ничему не удивлюсь.

– Причём здесь твой запах? – цедит сквозь стиснутые зубы.

– Да так, одной знакомой муж обозначил это трагическое недоразумение причиной своего ухода к соседке. Но, в самом деле: если бы у нас с тобой совсем не было секса, то я хоть что-нибудь бы понимала. А так не ясно, чем я тебе не угодила. Может, банально надоела?

– А ты считаешь, женщина, которая считает секунды до того момента, как муж кончит и свалит – это предел мечтаний?

– Конечно нет, дорогой! Это самый, что ни на есть, веский повод закрутить интрижку! Только я не понимаю, что ты до сих пор делаешь в одной квартире с таким бревном, как я?!

– Ну хватит, – он отшвыривает миску с моим салатом в сторону, да так, что часть высыпается на глянцевую поверхность столешницы, и направляется к выходу. – Больше нет сил слушать этот бред!

– Ну разумеется, на фоне Герды я могу выглядеть только полной дурой!

От слова «Герда» сказочного Кая как током бьет. Он резко разворачивается и бросается в мою сторону. Муж никогда не поднимал на меня руку, но ведь всё когда-нибудь случается в первый раз. Я не думаю, не планирую, интуитивно делаю шаг назад, а дальше – потеря равновесия и провал.

Глава 12. Мне жаль

Прихожу в себя от боли и нежности: ноет нога, адски болит затылок, но голова тащится от тёплых поглаживаний. Это Кай: его ладонь поправляет, очевидно, мои волосы, совершая торопливые, но приятные движения. Я открываю глаза и в тот же момент осознаю, что самый сильный дискомфорт в районе затылка мне причиняет пакет со льдом.

Заметив мой взгляд, Кай выдыхает:

– Господи, Викки... ты меня напугала! Я вызвал скорую, но кровотечение уже остановилось.

– Что со мной? Я упала?

– Да. Немного рассекла голову.

– Я не хочу в больницу.

– У тебя может быть сотрясение. И рана довольно большая – тут понадобится пара швов.

Парамедики подтверждают опасения моего супруга: рассеченную кожу нужно шить. И мы отправляемся в ближайшую больницу. В это время ни одна частная клиника уже не работает, поэтому нам приходится четыре часа проторчать в общей приемной. Кай прихватил с собой ноутбук, но даже не открыл его – просидел всё время, уставившись в одну малиновую кляксу на литом резиновом полу.

– Как думаешь, откуда оно здесь? – спрашиваю.

Кай впервые за всё время поворачивает ко мне своё лицо, я вижу на нём усталость и потерянность.

– Не знаю, – отвечает.

– Как так? Четвёртый час его изучаешь, и не родил ни единой идеи?

Кай отворачивается, не удостоив мою колкость ответом.

Нас вызывают, и муж, захлёбываясь эмоциями, объясняет врачу, что со мной произошло, попутно возмущаясь тем фактом, что настолько серьёзно пострадавший человек, как я, вынужден так долго ждать. Врач всё это выслушивает и сообщает, что ссадину на моей голове шить не нужно, достаточно склеить. Что и делает в течение примерно трёх минут.

Домой мы возвращаемся уже под утро, слушая глухой гул двигателя фэнси-тачки и не нарушая его ни единым словом. В конце концов, я устаю от нашего обоюдного молчания:

– Дурацкая машина. Тесная, неудобная. Ещё и укачивает. Почему бы тебе не поменять её на что-нибудь более комфортное?

– Потому что мне нравится ЭТА машина. Но ты не говорила, что тебя укачивает.

– Не хотела жаловаться.

– Зря, нужно было предупредить.

– Зачем? Чтобы ты высказал свои сожаления?

– Чтобы дать мне шанс.

– Какой ещё шанс?

– Быть лучше.

– Ты серьёзно?

Я злюсь. Я очень сильно злюсь.

– Ты всерьёз считаешь, что, поменяв машину для моего комфорта, станешь лучше? По-твоему, предательство можно замазать дешёвыми жестами?

Его ноздри раздуваются – психует не меньше моего, и я замечаю, что Порше ускоряется. Смотрю на электронное табло спидометра и глазам не верю: 132–135–138.

– Сбрось скорость!

Кай, словно по щелчку, просыпается и отпускает педаль газа. Мы залетаем в единственный в городе тоннель, слепящий ярким оранжевым светом своих фонарей.

– Ты всегда так гоняешь, когда на взводе? – спрашиваю едва слышно, потому что страшно.

Он молчит, и я догадываюсь, что это происходит чаще, чем мне хотелось бы.

– Эта машина опасна – в ней не замечаешь скорости. Если бы не спидометр, я бы...

– Викки... – обрывает, – мне жаль, что тебе пришлось это пережить.

Его признание душит.

«Что же ты делал в постели Дженны, если тебе жаль?» – хочу спросить, но не могу, потому что челюсть свело судорогой. Я не буду при нём рыдать. Не буду. Сделаю это потом, без свидетелей.

Домой доезжаем, не проронив ни слова. Падаю в постель в одежде и, уже почти проваливаясь в сон, слышу, как тихо Кай входит в комнату, прикрывает окно. Ко мне приближается почти бесшумно и так же аккуратно, даже невесомо, стягивает мои джинсы. В его сильных руках я кажусь себе маленькой тряпичной куклой, наделённой живым мозгом и сердцем. Мозг на что-то надеется, а сердце продолжает чувствовать.

Но ничего не будет, потому что Кай мягко накрывает моё полуголое тело пледом и выходит вон. Как только мои уши фиксируют едва слышный щелчок закрывшейся двери, руки с остервенением сбрасывают бережно расправленный другими руками плед.

А в ушах звенит: «мне жаль, что тебе пришлось это пережить».

Решаю пару часов поспать и выставляю будильник, потому что в три часа дня у меня урок рисования в студии. В студии, где преподаёт уроки живописи Ансель – парень из моего туманного и почти забытого прошлого.

Сон неумолимо накрывает сознание, отодвигая размышления о том, подпустила бы я к себе мужа, прояви он сексуальный интерес, или нет. Ответ так и не нашёлся.

Глава 13. Уроки

Он имеет привычку неслышно подходить сзади, незаметно подкрадываться и смотреть. И ты сидишь, забыв обо всём, провалившись в процесс, растворившись в штрихах и линиях, слепо ведомый собственным изменчивым воображением, творишь и не замечаешь, как за тобой наблюдают. Я каждый раз вздрагиваю, обнаруживая тень за своей спиной, напрягаюсь, теряю настрой, а затем подолгу не могу его поймать.

Сегодня крайне непростой урок – обнажённая натура. Девушка модель – скорее всего, наркоманка. А впрочем, кто их сейчас разберёт? Нужно признать, тем не менее, что Ансель задаёт нам непростые задачи, каждый раз заставляя не просто расти, а совершать рывок на пределе возможностей.

Да, я узнала его сразу как вошла в эту студию. Семь лет его изменили, но главное осталось – странность во взгляде и молодость. Мы повзрослели оба, но он всё ещё намного младше меня.

Худое астеничное тело девицы разрисовано татуировками, продырявлено везде, где можно и где нельзя – пирсинг в носу, в двух местах на нижней губе, над правой бровью, в сосках, пупке и даже на гениталиях, которые закрыты в той позе, которую задумал Ансель, но свободно видны каждый раз, как наша модель нечаянно раздвинет ноги, а затем, словно опомнившись, сомкнёт их вновь.

Моя проблема – грудь, в сравнении со всем прочим она выглядит топорно, даже мультяшно. Мне удалось довольно хорошо прорисовать волосы и голову девушки, вернее, её профиль, вполне точно передать черты лица и рисунок татуировки на выбритой части от виска к шее, и даже каким-то чудом соблюсти пропорции плеча и предплечья, правильно выделить тенью ключицу, но вот грудь...

Рука Анселя впервые касается моей, чтобы направить мой карандаш туда, где ему место – к соску. Мои труды создали почти бесцветную ореолу, неживую, искусственную. Ансель надавливает на мои пальцы, заставляя грифель оставлять более плотный след, выделяя неровности, перенося на бумагу физическую неидеальность. На моих глазах недоработанная деталь приобретает выпуклость, цвет, насыщенность, соответствующие оригиналу, теперь сосок выглядит живым и... сексуальным. Он не растворён на окружности груди, как было у меня, а завершает её острую форму, становясь продолжением.

Теперь женщина на моём полотне выглядит возбуждённой, я бросаю взгляд на модель и только в этот момент осознаю, что происходит с девушкой. Она не только зарабатывает, позируя неумёхам, вроде меня, но и испытывает сексуальное удовольствие от десятков взглядов, полирующих её неординарное тело.

Тем временем, Ансель добавляет последние штрихи – небольшие выпуклости по краю ареолы – те места, где вероятнее всего, должны расти волоски.

– Истинная красота в деталях, – сообщает мне шёпотом, обжигая ухо и шею дыханием.

Ансель отпускает мою руку, и я со стыдом обнаруживаю, что хотела бы вернуть её обратно. Почти сразу маэстро приносит модели шёлковый халат, заботливо набрасывает на плечи и предлагает:

– Не хочешь передохнуть?

Та расплывается в улыбке и смотрит на Анселя не просто с интересом, а так, словно между ними что-то есть или, по крайней мере, когда-то было.

– Спасибо, Анс! Я бы не отказалась от сигареты и чашечки кофе, составишь компанию? – она поднимается, запахивая на своей ненормально тонкой талии халат и не отрывая от Анселя глаз. И не одна она: мои одноклассницы азиатки словно устроили соревнования по искусству флирта, а у меня беспроблемный недопуск.

– Ну разумеется! Как минимум, я обязан сварить тебе кофе! – отвечает главный петух нашего курятника.

Девушка уверенным шагом направляется к двери, ведущей в комнату, из которой Ансель раньше выносил кое-что из своего личного художественного инвентаря или же появлялся с чашкой кофе в руках – скорее всего, там помещение, предназначенное для его отдыха.

– Продолжим через пятнадцать минут! – объявляет. – Для новичков: в холле и на втором этаже здания есть ресторанный дворик, там же найдёте Старбакс и Тим Хортонс. Отдохните, как следует, перед последним рывком!

С этими словами Ансель исчезает за дверью своей подсобки вместе с моделью. Я оторопело смотрю им вслед, пробуя на вкус неожиданно пакостное чувство, похожее на ревность.

Стыдно это признавать, но именно сегодня я хотела бы оказаться на месте татуированной девушки. За месяц наших художественных сеансов молодой человек из моего прошлого ни разу не предпринял попытки приблизиться ко мне на расстояние большее, нежели то, которое положено ученику и учителю. Однако в его взгляде всегда есть даже не намёк, а призыв – он как будто зовёт, но на этот раз хочет, чтобы первый шаг сделала я.

А для меня это нечто из области фантастики: я принадлежу к числу тех женщин, опыт флирта которых однажды начался и закончился на человеке, ставшим и являющимся по сей день мужем. Иными словами, даже если бы мне захотелось сделать этот шаг, я попросту не знаю, каким он должен быть.

Глава 14. Не мой день

Тим Хортонс я с некоторых пор ненавижу, поэтому моим единственным выбором оказывается Старбакс. К тому моменту, когда я, выстояв очередь сперва в кофейню, а за ней в лифт, возвращаюсь в студию, натурщица уже сидит на своём месте и позирует будущим художникам.

Стараясь не шуметь, я открываю стеклянную дверь студии и тут же наталкиваюсь на недовольный взгляд маэстро. Он ничего мне не говорит, возвращает своё внимание молодой азиатке, объясняя ей, как исправить ошибки и не допустить их вновь.

Обычно я впускаю опоздавших студентов на свои лекции, но всегда делаю замечание, поэтому молчание Анселя вносит ещё больший резонанс в моё восприятие происходящего. Смотрю на часы: я опоздала на двадцать семь минут, и у меня осталось меньше часа, чтобы закончить свою версию портрета обнаженной натуры. Я смотрю на изображение и не знаю, плакать или смеяться, потому что художник из меня безобразнейший. Это более чем очевидно теперь, когда во всей мазне только одна грудь модели выглядит так, как должна выглядеть, а всё остальное...

Я понимаю, что больше ничего сделать сегодня уже не смогу. Сворачиваю свою работу и, не раздумывая, отправляю в мусорное ведро. Мои одноклассницы-нехудожницы смотрят на всё это ошаревшими глазами, пребывая в шоке от подобной дерзости, и только лицо преподавателя выражает невозмутимое спокойствие:

– Прошу прощения, сегодня не мой день, – заявляю почти с вызовом. – В следующий раз, может быть, получится лучше.

На уроках рисования настоял мой терапевт. Я долго упиралась, но, в конце концов, сдаюсь, не выдержав напора её профессиональных доводов. Все дело в том, что я, в некотором роде, ненавижу кисти, краски, грифели разной плотности и твердости, бумагу и холсты, потому что единственный в мире человек, вызывающий у меня пугающе стойкую неприязнь был и остаётся художницей.

Дженна. Её так называемые работы повсюду: едва ли не в каждом помещении в офисе моего супруга, в доме его матери, даже в нашем доме до того момента, как я, не выдержав, сняла их и скинула в чулан. Ещё и тряпкой завесила, чтобы не видеть.

– Посмотри, как это прекрасно! Не верится, что подобное может быть создано всего лишь рукой человека, пальцами, умеющими держать карандаш! – восхищался мой супруг очередным творением своей соратницы.

– Угу, – соглашалась я, ведь моя личность выше мещанства, ревности, я «над» этим. Этим всем.

Но огонь в глазах мужа, благоговейно разглядывающего контуры рисунков, выжигал огромные болючие раны в той части меня, которая ответственна за любовь и нежность.

Но всё это было *до того момента*. А после него, потеряло всякую важность, перестало нести в себе хоть какой-нибудь повод для мысли или эмоциональный заряд – моя душа погрузилась в отрицание и... оторвалась от земли. Кай держал меня за ноги, чтобы не улетела, а мне, так рьяно стремящейся туда, повыше, где не так болит, было совершенно не важно, кто на него смотрит, на кого смотрит он, и чем, вообще, он занят в любое свободное от работы время.

Кстати о времени. Противная во всех отношениях Дженна вполне себе могла и всё ещё может быть не единственным развлечением моего мужа. Отсутствие подозрений и предчувствий в моём сердце и голове основывалось на том факте, что нерабочее время моего супруга было совершенно для меня прозрачно – он проводил его со мной. Утро – вместе. Ланч, чаще всего, тоже, если только у него не был запланирован деловой обед. Вечер, начиная с четырёх часов – тоже вместе. Я даже не водила машину – не было надобности: супруг и отвозил, и забирал, и доставлял, куда нужно. В таком режиме обнаружить пятно ничем незагружен-

ного времени супруга и подвергнуть его подозрениям, рассмотреть через лупу возможностей и вероятных сценариев практически нереально. Ланч – вот он секретный, тщательно закомуфлированный лаз. Ведь я даже никогда не интересовалась, с кем обедает мой супруг и с какой целью, если день бывал объявлен свободным друг от друга в рамках ланча. Я даже радовалась возможности уединиться, поскольку тотальный контроль и вечное присутствие мужа утомляли. И даже раздражали.

Сейчас же в моём распоряжении полнейшая свобода – теперь у нас всё порознь, абсолютно всё, даже ложе. Жаль только, что у моей новенькой едва приобретённой свободы оказался привкус горечи и зловонный дух предательства.

Ансель настигает меня у лифта, и что странно – я почувствовала его немое присутствие, будучи повернутой к холлу спиной.

Глава 15. Приглашение

– Я Вас чем-то обидел?

Голос у него негромкий и... какой-то ласковый. Даже чересчур мягкий, неуместно кроткий.

– Что Вы, нет! Ни в коем случае не принимайте на свой счёт – просто день не задался.

Я разворачиваюсь к нему лицом, и вот теперь мы впервые за последние семь лет стоим рядом, лицом к лицу и в полный рост... Он что ли подросток? После двадцати же вроде растут только носы и уши, но чтобы ноги, торс и руки...

– Мне показалось, я причастен.

Нет, это не голос учителя или просто обеспокоенного неловкостью ситуации мужчины – такой интонацией заговаривают болезни. Стыдобище, но мне, взрослой тётке, вновь тяжело выдержать его взгляд. Вопиющий факт: при всех парадоксах и коллапсах моей нынешней памяти я до мельчайших деталей помню нашу последнюю встречу на крыше колледжа. Вот точно так же тогда ни опыт, ни возрастной апломб не могли мне помочь выдержать напор молодого и только вышедшего на сексуальный рынок самца.

Я до сих пор не понимаю, как с такой энергией он оказался художником. Такие, как Ансель, обычно превращаются в зубастых дельцов, ну, в крайнем случае – мегапопулярных рок-музыкантов. Редкий человек рождается с подобной мощью. Ансель немногословен, но это лишь добавляет ему шарма и загадочности.

– В эту пятницу в группе запланирован небольшой выезд, вы присоединитесь?

– Что за выезд?

– Небольшая экспозиция молодой, но перспективной художницы. После – недолгая вечеринка.

– И что, прямо вся группа идёт?

– Не вся. Но я очень рекомендовал бы посещать подобные мероприятия.

– Почему?

– По многим причинам. Первая и главная – развитие эстетического вкуса, знакомство с новыми техниками и стилями, направлениями в живописи. Вторая – просто нечто новое в вашем времяпровождении.

– Считаете своим долгом приобщение к искусству деревяшки вроде меня?

Его лицо мгновенно изображает недоумение, но я улавливаю и нотки ожесточения тоже:

– Нет. Леди, вроде Вас, более чем знакомы с искусством и выставочными залами – мне это известно. Но то, что я Вам предлагаю, здорово отличается.

– Чем же?

– Обстановкой – раз. Публикой – два. Душой – три.

Меня удивляет его настойчивость. Памятуя о нашей последней встрече, я склонна ожидать от Анселя разворот на сто восемьдесят градусов, как результат на мою резкость, откровенно тяготеющую к хамству, но никак не уговоры. Он не тот человек, который позволит хоть малейшее проявление неуважения к себе – это попросту не вписывается в его темперамент.

Мне нечего ему возразить, кроме того, что я чувствую себя куклой в вагонетке, летящей по оборванным путям – падение неизбежно. Не важно, какие у меня мотивы, но здравый смысл и достоинство пока сильнее – не прогибаться, не уподобляться, не терять человеческое лицо. Предрасположенность обстоятельств в их совокупности меня не пугает, нет – она порождает волну упрямого сопротивления. И именно оно – причина моего неожиданного выпада в адрес действительно ничем меня не обидевшего Анселя.

Я поднимаю правую руку к лицу, потому что ношу обручальное кольцо именно на правой, и задумчиво трогаю свой подбородок:

– Неожиданный поворот. Все три составляющие заманчивы, не скрою.

При виде кольца его глаза сощуриваются и, несмотря на карамельный оттенок, почему-то начинают отдавать медью.

Я жду последнего его аргумента, достаточно веского, чтобы нанести сокрушающий удар по моему сопротивлению. Но Ансель молчит, немного запрокинув голову, засунув руки в карманы, неосознанно приняв позицию brutального самца.

Мда. Кольцо оказалось действенное хамства.

– Хорошо. Я подумаю, – обрубая наш разговор, потому что лифт уже секунд пять, как распахнул свои двери и вот-вот плюнет на мешкающего пассажира, то есть меня.

Мы расходимся, не прощаясь, и это знаменательно – между мной и преподавателем живописи выстроилась схема противостояния, что мне на руку – я действительно не желаю падать.

Кто бы что ни говорил.

Глава 16. Вернисаж

В отражении почти бесконечного зеркала моей ванной на меня устало смотрит когда-то красивая, но теперь уже сорокалетняя, медленно, но верно увядающая женщина.

На лбу едва заметные, но всё же морщины, под глазами неровности, намекающие на будущие мешки. Над бровью пигментное пятно, а губы... почему вы стали меньше, губы?

Господи, молодость! Куда же ты так торопишься? Я ненавижу седые волосы: выискиваю и остервенело деру – сегодня две, завтра три, послезавтра пять. Мне нельзя их оставлять – я брюнетка от рождения.

Зеркало хочется разбить, избавиться как от раздражителя, безжалостно напоминающего о неотвратимом. «Сегодня я младше, чем завтра» – любит повторять моя дорогая подруга, ведь слово «молодость» уже давно находится в разделе «Табу».

На сегодняшний день в моём далеко не плотном графике запланирован вернисаж с особой «атмосферой», «публикой» и «душой». И я отлично знаю, и ОН отлично знает, чем именно для нас обоих закончится это мероприятие.

Всё не было бы так печально, если бы я имела хоть малейшее представление о том, что это будет за событие, и как мне наряжаться. Дерзкая мысль о джинсах и футболке быстро сдаётся натиску разума и я, не мудрствуя лукаво, хватаю первое попавшееся не слишком вычурное и блестящее платье-футляр. Единственный его козырь – цвет, он стальной. Ну и... вырез. Глубокий остроконечный вырез – это всё, что я могу сказать о своей одежде. Женщина, открывающая свою грудь так глубоко, делает мужчине приглашение.

Ни кудрей, ни гривы до поясницы или, того и гляди, пониже её – у меня самые обычные естественно чёрные и до безобразия прямые волосы. Единственное, что делает меня похожей на мало-мальски привлекательную женщину – это брови. Они в меру широкие, прямые и ровные – опять же от рождения, и как, в принципе, у любой бразилианки по происхождению.

Я крашу свой рот в цвет крови. Стойкая помада на моих и без того выдающихся губах не говорит, нет, она вопит о преступлении. Сердце колотится в груди, как сумасшедшее, просит остановиться, но моё решение уже принято.

15 минут...

Когда-нибудь мы все умрём: и плохие, и хорошие, и правые, и виноватые, но сегодня я получу свои 15 минут.

Смотрю на собственное отражение в зеркале нашей столько лет общей с мужем ванной и глаз своих не вижу, только губы.

В галерее чувствую себя одной из выставленных картин – эдакий субъективный шедевр для тонких ценителей ньюмодернизма – на фоне голубоглазых блондинок англосакского происхождения я выгляжу ярко.

В толпе холёных Ванкуверцев не видно ни Анселя, ни моих одноклассниц – азиаток, меня приветствуют несколько знакомых лиц, чьи имена я никогда не старалась запомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.